

шины скалы, изъ яркаго пламени все сильнѣе и сильнѣе разгоравшагося костра. Я въ первую минуту подумаль: не принесть ли шаманъ въ жертву «старымъ богамъ» самого себя. Но скоро, на ярко красномъ фонѣ, вырисовался черный силуэтъ шамана. Онъ раздѣлся до гола и въ какой-то бѣшеной плясѣ кружился и изгибался на узкомъ выступѣ, держа высоко надъ головою, за распростертыя крылья, убитаго мною филина. Три раза обѣжалъ шаманъ свой жертвенный огонь и затѣмъ бросилъ въ него групу птицъ.

— Экъ его ломаетъ, — дивился Степанъ на акробатическіе фокусы шамана. — Нешто я не правду говорилъ, ваше благородіе? Кабы его черти не держали, разѣ онъ не сверзился бы оттоль.

Шаманъ, вѣроятно утомившись, выбралъ наиболѣе выдающійся уступъ, и присѣвъ на корточки, еще рѣзче и пронзительнѣе затанулъ свою дикую пѣсню.

— Лѣшій! идолъ! перестань быть — водки дамы! — во все горло заоралъ Степанъ, сложивъ руки около рта, въ видѣ рупора.

Шаманъ заливался еще пуще.

— Водки! слышь воодки! спи-и-иргу дадимъ! — оралъ рабочий.

Послѣднія слова должно быть донеслись до шамана. Онъ приостановилъ свое бытѣ, вновь пустился въ дикую головоломную пляску и, наконецъ, скрылся. Пламя его костра начало по немногу умаляться, и вскорѣ только красноватый отблескъ отъ груды углей едва видѣлся на вышинѣ.

Когда мы вспомнили о нашемъ инородцѣ, то оказалось, что онъ по прежнему лежитъ недвижимо у нашего потухающаго костра и только завернулся съ головой въ свой халатъ.

— Ты чего же на своего родича не любишься, Киримка? — спросилъ его Степанъ, — безцеремонно открывая ему лицо.

— Мнѣ нельзя смотрѣть, — съ неподдѣльнымъ ужасомъ отвѣтилъ инородецъ, крѣпко зажмуривая свои узенькіе глаза.

И онъ вновь надвинулъ полу халата на голову и свернулся.

Долго не могли мы заснуть. Въ ухахъ все звенѣли завыванія шамана, и мы какъ будто ждали, что вотъ-вотъ вновь вспыхнетъ пламя, и снова заскачетъ надъ пропастью сумасшедшій, бѣсноватый старикъ. Наконецъ потянулъ предразсвѣтный, пропитанный лѣсными испареніями, сырой и свѣжій вѣтерокъ, и мы незамѣтно сперва задремали, а тамъ и крѣпко заснули, забывъ всякія опасенія.

Когда мы одновременно проснулись, солнце уже взошло, но все видимое съ горы пространство было окутано бѣлымъ густымъ